

Когда пишется «Открытое письмо», ничего хорошего от его автора нынче ждать не приходится. Такова коварная специфика жанра, суть которого — публичное обвинение. В зависимости от того, кто, кого, с какой трибуны и при каких обстоятельствах обвиняет, нравственный диапазон «Открытого письма» колеблется от акта гражданского мужества до политического доноса. Золотой середины здесь нет. Или подвиг, или подлость. Третьего не дано.

Отделить ягнят от козлищ легко. Первый, редкий, вид «Открытого письма» — это когда адресат принадлежит к сильным мира сего, а отправитель и печатный орган находятся в зоне его досягаемости и рискуют как минимум положением, как максимум — свободой и жизнью. Все прочие виды «Открытых писем» пахнут дурно.

Самый опасный вид «открытого письма», когда автор — «простой» гражданин или гражданка, чье нежелание поступаться принципами служит срежиссированным сигналом к какой-нибудь «охоте на ведьм» — вроде борьбы с космополитизмом. Здесь конкретного адресата нет, но нужные двери уже помечены белыми крестами.

Самый гнилой вид «Открытого письма» — когда одно известное лицо обращается к другому равноизвестному лицу, которое непосвященная общественность держит за порядочного человека, чтобы поднять этой общественности веки, то есть открыть глаза. Для чего обнаружится всяческий компромат, в том числе и самого интимного характера, скопленный в период тесного дружеского общения или под- сказанный живым творческим воображением.

К какому типу принадлежит «Открытое письмо» Володарского — время покажет, но совершенно точно, что не к первому. Возможно, обвиняя Германа в ненависти к родной стране, Э. Володарский никаких провокационных целей не преследовал, а просто сорвалось с языка. И хорошо сорвалось. И, возможно, ограничившись содержанием этим обвинением, в «Новую газету» Герман никогда не обратился. Но драматург в своем «Открытом письме» от души потоптался на памяти Юрия Германа, отца Алексея Юрьевича. Это задело всерьез. А кто бы остался равнодушным? В начале века Россия аплодировала суду присяжных, оправдавших гимназистку Ядвигу Михальскую, которая застрелила могилевского губернатора, оскорбившего ее отца (см. «Монополия на убийство», февраль 2002 года).

Надо понимать, что оскорбление если и произошло прилюдно, то количество свидетелей вряд ли было сопоставимо с электоратом «Московского комсомольца»; кроме того, оскорбление было нанесено лицу, способному защититься, то есть не покойнику. Кажется, прямой потомок Дантеса вызвал на дуэль какого-то советского писателя, позволившего в его присутствии дурно отозваться о прадеде. Естественно, советский писатель картель не принял, но говорил намного меньше, пока не оказался на безопасном расстоянии. Герман не может вызвать Володарского на дуэль. Уголовный кодекс не позволяет. Он может только ответить. Эту возможность «Новая газета» ему и предоставляет

● Отдел культуры «Новой газеты»

Режиссер Герман.
Послужной список:
«20 дней без войны»,
«Проверки на дорогах»,
«Мой друг Иван Лапшин»...
Список открыт

Разъяснения
кинорежиссера Алексея
Германа по поводу
«Открытого письма»
лично к нему сценариста
Эдуарда Володарского

Алексей
ГЕРМАН:

НИКОГО НЕ РАССТРЕЛИВАЮТ, НО ВСЕ БОЯТСЯ

— **Н**очами я сочиняю ответ Володарскому, но днем понимаю, что и это, и это, и это говорить бессмысленно, поскольку ни то, ни другое, ни третье не документировано. Первым завелся, конечно, я: взбесился из-за Сокурова, и не потому, что верный друг. Но я в восхищении от него как от художника и не позволяю абы кому его пинать. Взбесился и, наконец, сказал о Михалкове все, что думал.

На самом деле я ждал этой статьи, только не знал, кто ее напишет. Написал Володарский. Я его понимаю. Когда-то он писал семь сценариев в год и имел милые черты. Раздавал гонорары студентам. Любил собак. Мастерски пересказывал американское кино. Что-то случилось с ним? Или со временем? Но как-то так получается, что других времен у нас и не бывает. Всегда стучат, всегда предают, и всегда это происходит по жизненным показаниям. А кто-то в то же время что-то не подписывает или поздравляет Солженицына с пятидесятилетием, или дает приют затравленной Ахматовой, или навещает в ссылке Бродского.

Когда запретили «Мой друг Иван Лапшин», ко мне пришел Олег Ефремов, с которым я был не знаком: «Чем я вам могу помочь?». И мы договорились снимать «Графа Монте-Кристо», где Ефремов будет номинально режиссером-постановщиком. Эфрос пригласил в свой театр. Позвонил Гранин, предложил съемки в Белоруссии. После статьи Володарского мне тоже позвонила куча народу. Но без предложений о помощи.

В 57-м году отца допустили к его личному делу, и в нем был очень страшный донос, подписанный близким другом. Реакцией отца была жалость. «Представляешь, — сказал он мне, — в каком ужасе жил человек, если, любя меня, это написал?». А другой папин друг, которого он тоже простил за предательство, рыдая, повторил: «Юра, ну что делать, если я могу жить хорошо и совсем не могу жить плохо!».

Спровоцировав скандал, я почему-то, честно говоря, ждал творческого спора. Но я не ждал, что, как в истории с неверной девушкой ассенизатора, мне в комнату засунут шланг и спустят пять тонн дерьма. Я забыл, что мы вошли в тот момент, когда можно писать все что угодно. Володарский обвинил меня в ро-

дионенавистничестве за «Хрусталева, машину». Это картина о России 1953 года. Как можно любить страну той эпохи, когда каждый день в подвалах Лубянки расстреливали лучших ее сынов? Это все равно что немцу заявить, что он любит Германию сорокового года. И как иначе рассказать сегодня российскому зрителю, что такое свобода, почему за нее стоит умирать? Мы по-прежнему несвободны.

Нашего человека за границей до сих пор легко уз-

▲ Новая газ. — 2002 — 4 сент. — С. 21

Краткое содержание предыдущих серий: в какой-то телепрограмме Никита Михалков поморщился в сторону Александра Сокурова.

Флегматичный Сокуров не среагировал, но за своего собрата по камере вступился Алексей Герман и при первой же возможности высказался насчет Михалкова.

Вальяжный Михалков смолчал, но за своего собрата по убеждениям обиделся Эдуард Володарский и опубликовал в «Московском комсомольце» «Открытое письмо» Алексею Герману

лодарского, Симонов позволил переписать сценарий «Двадцать лет без войны», а я его благодарил прилюдно лишь в... 1987 году, то есть через девять лет после официальной смерти. Что тут добавишь?

В Театре Советской армии был художник, который никак не мог понять, за что его уничтожают и в чем требуют покаяния. И когда его вызвали на трибуну, он вышел и сказал: «Товарищи, такие, как я, нам не нужны».

Иногда я то же самое думаю про себя. Я никогда не обольщался насчет кинематографистов. Мы по рождению номенклатурны. Театр пришел от скоморохов, которым за лицедейство рвали языки, и до сих пор туда идут люди, которые не могут не играть. Кино у нас было са-

мым партийным из всех искусств. Именно кинематографисты переписывали историю во имя власти. И вдруг государство — раз! — и откалывало от них. «Почему? Мы же вас рекламировали». — «Спасибо, но больше не надо». И все эти богатые, именитые оказались не у дел.

Наверное, во многом это несправедливо, но революция не есть справедливое решение проблем. Я лично не обижусь, если в меня перестанут вкладываться. Если ты к шестидесяти годам не убедил, что на тебя нужно тратить деньги, это твоя собственная неприятность. Кино вытащит молодежь. На нее и надо тратить те деньги, которые тратятся на такого Володарского, на такого Михалкова, на такого меня.

Положа руку на сердце я это все переживу. Жутко то, что мне стало трудно жить вообще и в этой стране в частности. Из-за предчувствия надвигающейся старости. И серости. Из-за ощущения, пусть и неверного, что я умею делать свое дело лучше других. Из-за ощущения, что это мое умение никому не нужно.

Бывают ситуации, когда хотелось бы наплевать, но — нельзя. Я не хочу, чтобы надо мной опять был Демичев. Я не хочу, чтобы на меня опять орали, сидя на столе и помахивая ногой. Я не хочу, чтобы меня непрерывно увольняли, я уже устал.

Мне никогда не хотелось уехать из страны. Это желание впервые возникло сейчас, но оно безнадежно, по-

тому нет такого места на земле, где мне будет лучше.

Перед съемками «Лапшина» мы походили по квартирам Дома на набережной. И хозяйка одной из квартир рассказала такую историю. Ее дедушка был секретарь ЦК. И в его гардеробе имелось протокольное партийное пальто, серое, невзрачное, для стояния на Мавзолее. После смерти пальто решили выбросить. Вынули, а оно внутри оказалось на шиниллах. К чему я это? Не знаю... В картине, которую я сейчас снимаю, есть ключевая фраза: «Там, где ликуют серые, к власти всегда приходят черные».

У меня ощущение надвигающегося ужаса. Как тут быть?

Я надеюсь, что у Владимира Путина хотя бы хватит мудрости не закрывать остатки оппозиционных изданий, не закрывать картины оппозиционных режиссеров вроде меня. У нас в Сосново была речушка. Все сточные воды, вся канализация сливались в нее, а очистные сооружения не действовали. Писатели пригласили телевидение. Сюжет увидел председатель Ленинградского телевидения, позеленел и не пропустил. Потому что эта речушка впадала в другую, которая омывала дачу Романова. В результате никого не сняли, начальник процветал, а Григорий Васильевич все опущенные ему голы, не ведая того, купался в дерьме.

● Записала
Арина ЯКОВЛЕВА
Фото автора